

3. Ратинов, А.Р. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979.
 4. Стуканов, В.Г. Методологические основы исправительной психологической коррекции личности осужденных за корыстное преступление : учеб. пособие для практ. психологов ИТУ / В.Г. Стуканов. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999.
 5. Хохлаков, Г.Ф. Парадоксы тюрьмы / Г.Ф. Хохлаков. М. : Юрид. лит., 1991.
 6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. М. : Прогресс, 1990.
-

И.А. Кибак, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ОСНОВ ПСИХОЛОГИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Рассматриваются научные основы психологии законотворчества – история становления и проблемы развития. Дается краткий обзор основных направлений рассматриваемых проблем, которые исследованы в работах выдающихся личностей по истории законодательного процесса: отечественных и зарубежных ученых-правоведов и психологов. Раскрываются основные условные периоды становления и развития психологии законотворчества. Описывается историко-методологический экскурс в сущность проблемы психологии законотворчества, показываются ее глобальность и многогранность.

Психологические аспекты законотворчества всегда были в центре общественного внимания. Остро ощущая недостаток правовых знаний при подготовке законопроектов, принятии законодательных правовых решений, объективно появляется потребность применения дополнительных знаний из естественных наук, области психологии. Использование научных психологических подходов в сфере законотворчества имеет длительную историю.

Основы теоретического осмысления сущности права и правосознания были заложены известными античными мыслителями, которые эффективность закона связывали с естественными (психологическими) законами поведения людей. По существу, психологизированная сущность права была раскрыта еще древнеримскими правоведом в ее формуле: *jus est ars boni et aequi* (право есть искусство добра и справедливости). Рационалистические идеи о природе человеческого поведения были высказаны Сократом, затем Протагор ставил проблему связи законов и представлений людей о справедливости. Платон указывал на рациональные способности человека как основу его правового поведения, а Аристотель – на особый «склад души, при котором люди склонны к правосудным поступкам, совершают правосудные дела и желают правосудного» [1, с. 145]. Много усилий в законотворческую деятельность вложили такие известные правоведы и ораторы Древнего Рима, как Марк Туллий Цицерон, Гальба, Карбон, Катон Старший, Квинт Гортензий и др. Римскими авторами был обоснован такой существенный аспект равенства, как всеобщность и единство требований закона. «Под действие закона, – утверждал Цицерон, – должны подпадать все» [19, с. 139].

Однако в период средневековья, во время формирования абсолютных монархий, сложилось эгалитарное понимание права. Считалось, что в условиях местничества и самоуправства человеку лучше уступить свои права неограниченному монарху, получив от него защиту жизни и имущества. Поведение подданных стало жестко регламентироваться государством: возникла цензура, утвердилась система ограничений гражданской жизнедеятельности. Правом стала именоваться система государственно-нормативных ограничений человеческого поведения. В управлении обществом возобладал принцип «все, что не разрешено, – запрещено».

Русская история развития государства и права также свидетельствует о том, что законодательная техника имела глубокие корни, свои особенности развития, к которым можно отнести нормативное построение предложений, наличие специальных заголовков статей, специальных правовых терминов; преамбулы, разделение текстов на статьи в первых кодифицированных актах – Судебниках 1497 и 1550 гг. Большая работа по технико-юридическому оформлению законодательства была проведена при Петре I, Екатерине II и Александре II. В Наказе Комиссии по составлению проекта нового Уложения Екатерина II наставляла: «Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех», «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать – следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли» [7, с. 133–134]. Еще в XIV–XV вв. к закону предъявлялось требование минимальной нравственности и психологизации.

Свою историю представительных органов власти имела и средневековая Литва (современная Беларусь). В эпоху Возрождения на землях современной Беларуси появились такие выдающиеся личности, как Ф. Скорина, Н. Гусовский, М. Литвин, А. Волан, А. Олизаровский, С. Будный, Л. Сапега и др.

Их труды – важный вклад в развитие отечественной политической и правовой мысли в целом и в развитие идей о правах человека в частности [2]. В 1522 г. при Великом князе Жигимонте I на Виленском сейме обсуждался постатейно первый свод законов – Статут Великого княжества Литовского, введенный в действие 29 сентября 1529 г. Этот и следующие Статуты 1566 и 1588 гг. содержали нравственно-правовые нормы, которые несколько ограничивали своеволие магнатов, объявлялись правилами, в соответствии с которыми люди всех сословий должны были обращаться в суд.

Второй условный период становления и дальнейшего развития психологии законотворчества можно отнести к эпохе Нового времени и Просвещения. Философами Нового времени была поднята проблема психологических источников «естественного права» и установленных законов. Значительную роль в развитие философско-правовой мысли сыграли идеи Г. Гроция – пионера рационалистического естественного права. Г. Гроций определяет естественное право как «предписания здравого разума» [4, с. 71]. Т. Гоббс видит основания естественных прав в природных инстинктах людей, их личных интересах, которые для достижения согласия необходимо укротить. Против такого понимания законов выступал Дж. Локк, согласно которому законодательные установления не «укрощают» природу человека, а являются выражением этой природы [11, с. 34]. Прогрессивные мыслители начинали понимать, что оздоровление общества может произойти лишь на основе освобождения жизнедеятельности людей от подчинения и господства и формируют современную концепцию либерализма и правового государства.

Философы эпохи Просвещения много внимания уделяли анализу психологических основ законодательства и правоприменительной практики. Эту проблематику разрабатывали в своих трудах Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ф.-М. Вольтер. Они убедительно показали, что если право является возведением в закон воли правителя, то такое право ничуть не лучше, чем полное бесправие.

В идейно-философском отношении перемены были провозглашены философией Просвещения, в либеральных и естественно-правовых теориях; в конституционно-правовом плане они получили выражения в американской Конституции (1787) и Билле о правах (1789), французской Декларации прав человека и гражданина (1789). Принятая Декларация оказала огромное влияние на политическое и правовое развитие многих стран. Утверждалась новая правомировоззренческая парадигма: отношения в обществе могут регулироваться только таким законом, который основан на «природе и психологии человека».

Существенное обновление и развитие теоретических положений в области права, государства связано с деятельностью выдающегося немецкого философа Г. Гегеля. В своем произведении «Философия права» Г. Гегель исследовал влияние психологического фактора на процесс применения законов, в котором большое место занимают «субъективное убеждение и совесть» [3, с. 261], а позднее Г. Гегель провозгласил: «Человек должен найти в праве свой разум» [3, с. 236].

Английский философ И. Бентам известен своими идеями утилитаризма. Он был убежден в несостоятельности метафизических представлений о праве и построил философию права на основе опыта, провозгласив верховным принципом «пользу», данную человеку во врожденных чувствах удовольствия и страдания. К первому человек стремится, второго избегает. И. Бентам «для политики и морали сделал то, что Бекон для естественных наук. Влияние И. Бентама на законодательство такое же, как А. Смита на политическую экономию» [10, с. 92]. Применяв понятие полезности к законодательству (гражданскому, уголовному, конституционному) и соотнеся пользу со справедливостью, Ж. Карбонье осуществил «переход» от факта к праву. По его мнению, польза измерима, а следовательно измерима и законодательная работа, нужно лишь изучить, какие психологические последствия в обществе вызывает введение нового закона.

Методологические психологические основы законодательной деятельности были также заложены в работах Ш.-Л. Монтескье, Р. фон Иеринга и других видных представителей философской и правовой науки Европы. Они сформулировали важнейшие принципы составления законов и правил законодательной техники, которые и сегодня не потеряли своей актуальности.

Английский философ и социолог Г. Спенсер в очерке «Грехи законодателей» поставил вопрос о профессиональной подготовке законодателей. Приведя многочисленные примеры того, как юридические законы наносили значительный ущерб интересам отдельных граждан и обществу, он заметил, что «ответственность же законодателей за зло, которое они могут причинить, мы определяем с большим снисхождением. Нам обычно и в голову не приходит осуждать их за зло, причиненное принятыми ими законами» [15, с. 129–136].

Видным представителем психологического направления в законотворчестве является французский социолог Габриэль Тард. Широкую известность и признание принесла его книга «Законы подражания» (1890). Общественные связи и процессы Г. Тард объяснил действием механизма подража-

ния в обществе. Он считал, что «общество – это подражание», а право – «не более как один из видов склонности человека к подражанию» [17, с. 74]. В работе «Социальная логика» Г. Тард высказал некоторые соображения о возникновении права и законодательной деятельности. С его точки зрения, «проект закона следовало бы принимать только после некоторого периода его освоения со средой» [17, с. 137].

Вслед за Г. Тардом выдающийся историк, социолог и правовед М.М. Ковалевский выдвинул психологические законы поступательного развития общества, которые он свел к открытию и подражанию. «На любом юридическом институте можно проследить одновременно роль открытия, приспособления и подражания» [9, с. 67].

Основоположники исторического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая важную роль правовой психологии в жизни общества, делали акцент на вскрытии объективных оснований как правовой психологии, так и самого права. В своих работах они убедительно доказали обусловленность правового сознания содержанием и уровнем развития экономических и политических отношений общества.

Хорошо известна выдающаяся деятельность М.М. Сперанского по приведению в стройную систему российского законодательства. В 1830 г. было издано Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, а через непродолжительное время был подготовлен первый Свод законов Российской империи. Снабжение его алфавитными хронологическими и сравнительными указателями стало заметной новинкой юридической техники для своего времени [16, с. 39–40]. Со второй половины XIX в. начал регулярно издаваться источник текущего законодательства – Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Все эти масштабные работы по созданию современной правовой системы России, ее упорядочению и технико-юридическому совершенствованию возникли не на пустом месте. Теоретическим фундаментом этой деятельности послужили труды М.М. Сперанского, К.А. Неволлина, Е.В. Васьковского, Г.Ф. Шершеневича, Ф.В. Тарановского, М.А. Унковского, Н.И. Коркунова и многих других выдающихся русских юристов и государственных деятелей.

Просветительская философия права провозгласила: право должно содержать не столько запреты, сколько признания – дозволения. Каждый член общества должен признаваться как интеллектуально и нравственно полноценное существо. Правотворческая деятельность – это не изобретение произвольных «правил игры», она объективно обусловлена закономерностями межчеловеческих отношений, тенденциями их развития. Таковы основы современного правового мировоззрения, зародившиеся в эпоху Просвещения на развалинах средневековой монархически-государственной правовой идеологии.

Третий условный период становления психологии законодательства можно отнести к концу XIX – началу XX в. В тесной связи с социологической теорией права и в ее рамках получила широкое распространение психологическая теория права, которая сводит право целиком к индивидуальной психике. На основе новой правовой идеологии зародилась специализированная отрасль психолого-юридических знаний. Начала осознаваться необходимость психологических знаний в законодательстве.

В конце XIX в. в России стала формироваться психологическая школа права. Ее родоначальником и наиболее ярким представителем стал юрист и социолог Л.И. Петражицкий (1867–1931). В работе Л.И. Петражицкого «Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология» утверждается, что науки о праве и государстве должны базироваться на анализе психических явлений [8, с. 131]. Как писал Л.И. Петражицкий, «право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически» [13, с. 7]. В этой связи право рассматривалось им как продукт «бессознательно-удачного социально-психического давления в направлении социально необходимого поведения». Он впервые обосновал способ психологического изучения права и на основе этого создал психологическую теорию права в ее цельности. Его теория является значительным и оригинальным явлением современной юриспруденции.

Ярким примером сплава психологической и социологической теорий является американский и скандинавский «реализм» [6, с. 192]. В скандинавской школе социологии права большое значение придавалось изучению правовой интуиции и правовых переживаний как основополагающих феноменов. В американской юридической науке вопросы психологических основ права стали предметом исследований, проводимых в рамках такого научного направления, как правовой реализм. Ученые этой школы указывали на значение субъективных факторов в процессах правотворчества и правоприменения, результатом чего является неопределенность и отсутствие единообразия в юридической практике.

Проблемы психологии законодательства активно разрабатывались в западной философии и юридической науке. Так, в Германии в начале XX в. получили широкое распространение концепции, в которых большое место в объяснении правовых явлений отводилось психологическим феноменам.

Центральными в этих теориях выступали понятия «правовой инстинкт», «правовое сознание», «правовое чувство».

Говоря о психологии законотворчества, нельзя также не упомянуть и о таком прикладном направлении, оказавшем влияние на ее развитие, как психотехника (В. Штерн, Г. Мюнстерберг и др.), которая в начале XX в. все больше привлекала внимание психологов, работавших в области психологии труда. С помощью исследований в этой области могут быть созданы благоприятные предпосылки для изучения профессиональных качеств субъектов права (депутатов) с целью разработки практических рекомендаций по их обучению.

В советской науке разработка проблем психологии законотворчества началась в 20-е гг. прошлого века. В работах Г.М. Андреевой, В.А. Артемова, В.М. Бехтерева, Л.Н. Войтоловского, М.А. Рейснера и других ученых ставилась проблема социально-психологических основ функционирования правовых отношений, анализировались особенности коллективных правовых представлений, убеждений, эмоциональных проявлений.

Четвертый условный период развития психологии законотворчества начинается с 60-х г. XX в. После некоторого спада в изучении различных аспектов правовой психологии с конца 60-х г. данная проблематика вновь становится предметом внимания многих ученых. Проблемы психологии законотворчества разрабатывались учеными в нескольких направлениях в рамках таких научных дисциплин, как правовая психология, политическая психология, социальная психология, социальная философия и социология права.

В основу принципиальных концептуально-методологических и теоретических положений психологии законотворчества положены: деятельностный подход, разработанный С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым и другими российскими психологами; разработки Е.А. Климова о наличии особой «картины мира профессиональной общности» и положения А.А. Бодалева и А.А. Деркача о роли субъективных факторов, способствующих или препятствующих достижению субъектом вершин профессионального мастерства; психологическая концепция общения и социальной перцепции, разработанная Г.М. Андреевой, А.А. Бодалевым, В.Н. Куницыной, Л.А. Петровской; положение К.А. Абульхановой-Славской, А.Я. Гуревича, о наличии общих для представителей одной общности способов восприятия и особенностей образа мыслей, выражающихся для данной общности способах поведения.

Попытки особого осмысления парламентского (законотворческого) процесса можно встретить у К. Ясперса, А. Камю, Э. Фромма. Так, К. Ясперс видит в политике выражение некой обобщенной воли, характеризующейся «устойчивой тенденцией неуклонности». Он выделяет следующие типы лидеров: лидеров – выразителей ситуации или минутного веления многих, с изменением которой они исчезают; лидеров-демагогов; лидеров силового плана, обладающих фактической властью.

Для современной психологии законотворчества актуальна трансформируемая из 60–80-х гг. ролевая теория политики. Психология законотворчества может использовать ролевую теорию политики наряду с методом переключения ролей, разработанным Б. Коэном и А. Раппапортом как метод разрешения конфликтов.

Предпосылкой для создания психологизированной теории политики может стать парламентский бихевиоризм. Основной его задачей является изучение индивидуального поведения депутата в законодательном органе с привлечением собственно психологических методов, являющихся основой психотехнологии законотворчества.

Когнитивистское направление может исследовать процесс парламентского мышления. Согласно общим взглядам психологов этой школы выбор модели парламентского поведения опосредуется теми взглядами и ценностями, которые составляют содержание сознания человека. Среди антипозитивистских ориентаций важное место принадлежит представителям гуманистической психологии, выступающим за учет эмоционально-мотивационной сферы личности при анализе закона. Большое влияние на законодателей и психологов данной школы оказали идеи А. Маслоу об иерархии потребностей и ненаправленная психотерапия К. Роджерса. Их идеи были реакцией на бихевиористскую трактовку личности как пассивного объекта воздействия среды и подчеркивали самостоятельную ценность активности личности.

Повышение активности законотворческой деятельности наступило в период преобразований, получивших название «перестройка» (1985–1991). «Перестройка идет по многим направлениям. Изменяется психология людей, возрастает их активность, сознательность, ответственность и интенсифицируется духовная сфера, развивается политико-правовая мысль, предъявляются новые требования к качеству советских законов», – писал в 1987 г. российский ученый Н.И. Матузов [12, с. 4].

Современный период развития белорусской парламентской истории начинается с 1994 г., который характеризуется становлением и развитием законодательной ветви власти. Три созыва Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь заложили не только правовой фундамент белорусской государственности, но и во многом сформировали традиции парламентской (законотворческой) деятельности, политической и правовой культуры, нормы парламентской этики. Парламентаризм обрел не только внутреннюю структуру, но и культурно-психологические корни при подготовке, обсуждении и принятии законопроектов, законодательных решений.

Развитие до последнего времени юридико-психологических исследований отличалось серьезным внутренним противоречием. С одной стороны, на уровне постановки проблемы признавалось, что эта наука имеет своим предметом закономерности и механизмы психической деятельности, которые проявляются в поведении, регулируемом правом; в этой связи отмечалось и значение «раскрытия психолого-юридической сущности фундаментальных категорий права» [5, с. 215]. С другой стороны, при определении системы психологии законотворчества, выделении ее приоритетов эта задача иногда игнорировалась. Достаточно интенсивно развивались такие направления, как криминальная психология, судебная психология, исправительная психология. На стыке с социологией разворачивается юридико-психологическое изучение общественного мнения, в том числе профессионального. Появились научные исследования российских и белорусских ученых социально-психологического характера в такой специфической сфере, как законотворческая деятельность.

На этом фоне парадоксом выглядело отсутствие исследований, предметом которых были бы психологические основы формирования норм и институтов права, лежащих в основе законотворчества и служащих понятийными определениями для исследований механизма психологии законотворчества и общественного мнения о необходимости разработки проектов законов. Существенная роль в исследовании законотворческих проблем должна отводиться вопросу психотехнологии законотворчества – «психологизации» правовых норм, разработки правовых новаций, теории и практики, а также критериев и показателей эффективности применения правовых норм.

Во многом это обусловлено особенностями исторического пути развития правовой психологии. Во-первых, в течение достаточно длительного периода значительное число исследований этой проблематики осуществляли не профессиональные психологи в области законотворчества. В то же время ученые-юристы признавали важность интегративности свойств, необходимость влияния норм права на психологию людей, их сознание, мотивы поведения, отношения и, как следствие, на их правомерное или правонарушающее поведение. Во-вторых, обоснованная критика взглядов психологической школы права, некорректно излагающей соотношение психологических и социальных основ права, сформировала достаточно устойчивое негативное отношение профессиональных психологов к изучению закономерностей правовой психологии. В-третьих, негативную роль сыграла жесткая официальная оценка ошибок не учета законодателем психологических основ в законотворчестве. Также до настоящего времени не принят закон самими законодателями, который мог бы регулировать эти отношения. Депутатская неосведомленность, искаженное понимание, ошибочность толкования законов могут вызывать отставание психологии законотворчества. И наконец, осознанное нежелание субъектов права учитывать психологическую культуру и психологичность правовых норм в законопроектах. Но, так или иначе, ее восприятие специалистами в области правовой психологии оказалось достаточно прочным и длительным.

Психологические проблемы законотворчества многочисленны и многообразны. Они охватывают социально-психологические аспекты законотворческой деятельности; правосознания и правового поведения личности депутата; взаимоотношений и взаимодействия между людьми в системе социально-правовых связей и др. Право и все правовые акты эффективны по своему регулируемому влиянию, если его психологический эффект адекватен, т. е. отвечает специфике психологии людей, групп, общностей, народа, если обеспечивает понимание, одобрение, правомерное поведение их. Современные политологи отмечают, что «в законодательной практике и практике правоприменения необходимо учитывать психологию людей, групп населения, всего народа. Значение имеет не учет каких-то частных особенностей, но культурно-исторический менталитет народа, базовые психологические особенности общностей и граждан, их психическое состояние, настроения, общественное мнение, социальные ожидания, интересы, уровень развития правовой психологии. Непродуктивно и даже опасно создавать законы, к восприятию и исполнению которых люди и общество психологически не готовы, но и отставание правового регулирования от жизненных реалий не менее пагубно» [14, с. 370–371].

Этот небольшой историко-методологический экскурс в существо проблемы психологии законотворчества показывает ее глобальность и многогранность. Психология законотворчества в своем арсенале имеет достаточно обоснованный и определенный понятийный аппарат. В него входят катего-

рии собственно психологии законотворчества, основные понятия, а также востребованные категории смежных, прежде всего гуманитарных наук.

Отмеченные и многие другие аспекты нуждаются в тщательном изучении, уточнении и расширении в рамках психологии законотворчества. Все они могут послужить ориентирами в повышении роли психологии законотворчества как интегративной теории, методологии и продуктивной законотворческой практики. Для выполнения своей миссии психология законотворчества применяет те методы, которые в совокупности составляют целостные психотехнологии.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Собр. соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4.
2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; 2-е выд. Мінск, 2003.
3. Гегель, Г.-В.-Ф. Философия права / Г.-В.-Ф. Гегель. М., 1990.
4. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. М., 1956.
5. Еникеев, М.И. Юридическая психология : учеб. для вузов / М.И. Еникеев. М. : НОРМА, 2000.
6. Зорькин, В.Д. Позитивистская теория права в России / В.Д. Зорькин. М. : Изд-во МГУ, 1978.
7. Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003.
8. Исаев, И.А. Из истории юридической психологии в России. Рациональное и иррациональное в психологической теории права Л.И. Петражицкого / И.А. Исаев // Психол. журн. 1986. № 4.
9. Ковалевский, М. Социология / М. Ковалевский. СПб., 1910.
10. Левенсон, П.Я. Беккариа и Бентам. Их жизнь и деятельность / П.Я. Левенсон. СПб., 1893.
11. Локк, Д. Избранные философские произведения / Д. Локк. М., 1960.
12. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. Саратов, 1987.
13. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. 2-е изд. СПб., 1907.
14. Социальная психология / под ред. А.М. Столяренко [и др.]. М., 2001.
15. Спенсер, Г. Грехи законодателя / Г. Спенсер // Соц. исследования. 1992. № 2.
16. Сперанский, М.М. Руководство к познанию законов / М.М. Сперанский. СПб., 2002.
17. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард : пер. с фр. [Соч.] Ж. Тарда. СПб. : Ф. Павленков, 1892.
18. Тихомиров, Ю.А. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М. : Городец, 2000.
19. Цицерон. Диалоги / Цицерон. М., 1966.

В.В. Мицкевич, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент

МЫШЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Обосновывается практически значимая трактовка профессионального мышления оперативных сотрудников правоохранительных органов. Рассматривается психологическая сущность оперативного и рефлексивного мышления. Раскрывается процесс реализации психологических приемов рефлексивного мышления оперативников.

В психологическом словаре А. Ребера указывается, что «мышление, определяемое широко, это почти вся психология; определяемое узко, – оно, кажется, не имеет к ней никакого отношения» [1, с. 468]. Мышление как высшая ступень человеческого познания, процесса отражения объективной реальности позволяет получать знание о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственном уровне. Именно в данном контексте мышление в большинстве научных источников трактуется широко как познавательный процесс опосредованного и обобщенного воспроизведения существенных связей между явлениями, а узко – с позиций отраслевых научных изысканий (например, физиология изучает мозговые механизмы, с помощью которых реализуются акты мышления; кибернетики рассматривают мышление как информационный процесс, фиксируя общее и различное в работе компьютера и мыслительной деятельности человека, и т. д.).

Психология исследует мышление как феномен, реализующийся посредством фиксации и научного объяснения определенных психических фактов, механизмов и закономерностей. Мышление в данном контексте охватывает все мыслительные действия, связанные с формированием понятий, решением задач, интеллектуальным функционированием, творчеством, сложным обучением, символической обработкой информации, памятью, воображением и т. д. Немногие термины в психологии охватывают такой обширный массив коннотаций и способов употребления, что обуславливает многочисленность оснований для классификации мышления в психологии.